(Продолжение. Начало в газете «Вести» Камчатка № 127 от 16 ноября 2016 года)

В прошлом номере газеты мы начали повествование, посвященное 275-летию со дня смерти капитана-командора Витуса Йонассена Беринга. Капитан-командор умер 8 декабря 1741 года на острове, носящем сегодня его имя. Его похоронили в бухте, впоследствии получившей название бухта Командора. В 1991 году останки Витуса Беринга были обнаружены и идентифицированы. В то же время был воссоздан настоящий лик командора. На предыдущих портретах и бюстах, как оказалось, был изображен его дядя. В 1992 году останки Витуса Беринга и шести членов его команды были с почестями перезахоронены. Изучение последней стоянки Витуса Беринга за 275 лет превратилось в увлекательную историю. Наша газета решила опубликовать материалы журналистов, документы, исторические справки, которые были связаны с научно-исследовательскими экспедициями в бухту Командора. Вашему вниманию предоставляем один из отчетов такой экспедиции, опубликованный в журнале «Вокруг света» в августе 1992 года (печатается с небольшими сокращениями).

Вячеслав СКАЛАЦКИИ

Беринг-91

... Ночью я вышел на палубу. Вокруг лежал Тихий океан, а в небе не было ни одной звезды. Пугающий, холодный, безбрежный простор... На память пришли строки из воспоминаний лейтенанта Свена Вакселя, участника трагической экспедиции Беринга: «Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые... Не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах...».

Наш «Академик Курчатов» стал на рейде острова Беринга через сутки после выхода из Петропавловска-Камчатского. И вскоре мы уже шли на катере сквозь туман к берегу. Он

встретил нас огнями причала, запахом солярки, тарахтящим экскаватором, угольной пылью. И еще нас встречал огромный, лохматый и добрый пес. Неужели я на краю земли, на острове Беринга?

Из поселка Никольского, единственного населенного пункта не только на острове, но и вообще на Командорах, добирались в бухту Командор на самоходной барже, успев в пути насмотреться на прибрежные скалы, водопады, снежники на сопках. Остров огромен, в длину до 90, в ширину – до 40 километров, с множеством озер и речушек. Сама же бухта – зеленая долина в обрамлении холмов, река с чистейшей водой, песчаная полоса берега. Смотрел на этот безлюдный рай, испытывая волнение от того, что вижу перед собой землю, открывшуюся команде Беринга два с половиной века назад. Но вот как встретил остров измученных моряков: «4 дня ноября 741 году... в 8 часов пополуночи увидели землю, на которой видно хребты великие покрыты снегами...

16 ноября 741 году. Ветер велик и волнение великое, отчего много валу всходит на пакетбот. От морозу кругом судна и на судне такелаж весь умерз льдом...». Это лишь несколько строк из вахтенного журнала «Св. Петра». Страницы его заполнены трагическими сообщениями: «умер матрос... канапатчик... подшхипарь... канонир... солдат...». Читается этот бесхитростно-жутковатый журнал, как захватывающая повесть о мужестве и силе духа обреченных, казалось бы, людей.

В бухте Командор, где был когда-то лагерь Беринга, перебывало за прошедшие века множество всякого люда. Сюда наведывались и промышленники-зверобои, и просто любопытные, и те, кто пытался производить самостоятельные раскопки.

Точных координат своего лагеря мореплаватели не оставили. А время, морские ветры и волны наложили свой отпечаток на внешний вид бухты. Общий итог многочисленных неквалифицированных раскопок – беспорядочно вырытые ямы, шурфы, заросшие сегодня густым разнотравьем, частично разграбленные землянки.

В 1979 году экспедиция Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока под руководством Г. Силантьева начала комплексное историко-археологическое исследование бухты Командор, изучив остатки четырех жилищ. Через два года состоялась новая экспедиция, уже под руководством В. Ленькова, изучившая еще два жилища и территорию, окружающую лагерь. Удалось найти под слоем прибрежного песка и семь пушек с пакетбота «Св. Петр». Результатом

этих исследований стала, в частности, читаемая как детектив, монография В. Ленькова, Г. Силантьева, А. Станюковича «Командорский лагерь экспедиции Беринга». Один из ее авторов, участник раскопок 1981 года, специалист по применению комплексных методов исследований в археологии Андрей Кириллович Станюкович и возглавил экспедицию «Беринг-91».

Пообщавшись с учеными, я теперь знаю, какими жалкими финансовыми крохами питается отечественная археологическая наука. Только благодаря организационному содружеству Международного общества «Подводный мир» (добровольного объединения энтузиастов исследования гидросферы), Института археологии АН СССР, клуба «Приключение» при БММТ «Спутник», Санкт-Петербургского добровольного общества «Память Балтики», московского предприятия «Форт» удалось «пробить» нашу экспедицию. Основным спонсором ее стала Творческо-производственная организация «ТАМП». Помню сказанное Наташей Шатуновой, президентом «Подводного мира», еще в Петропавловске: «Для того, чтобы человечество получило о чем-то новые знания, нужно вложить деньги. Приходится доказывать, ища спонсоров, насколько значимы наши цели».

Узнал я и о пренебрежительном отношении археологов к идее раскопок памятников XVIII-XIX веков. По мнению некоторых из них, это «новье» не заслуживает научного внимания. Что касается Беринга, существуют и такие резоны: в истории лагеря первооткрывателей Командорского архипелага практически не осталось белых пятен – бухта изучена, письменных источников много. Более того, вскрытие захоронения, если оно будет обнаружено, «недопустимо в морально-этическом плане», а возможная реконструкция облика Беринга «не является научной проблемой и проводится в основном в рекламных целях» (цитирую документ, разосланный противниками экспедиции во многие инстанции и редакции).

Вот причины десятилетнего разрыва между нынешней и предыдущей экспедициями.
Я счастлив, что мне выпала журналистская удача участвовать в экспедиции «Беринг-91».

История со складом

Один из вопросов, на который нам хотелось найти ответ, – какова судьба склада с имуществом «Св. Петра»?

Дисциплина, судя по документам, на пакетботе была отменная. Бросить немалое государственное имущество на произвол судьбы мореходы не могли. Все, что было можно снять с полуразбитого судна, сняли и перенесли на берег. Сохранилась «Роспись пакетбота Св. Петра шкиперским припасам, которые при отбытии нашем оставлены на острову в новопостроенном нами сарае...». В «Росписи» значится 2071 «казенная» вещь. Это – корабельный такелаж, артиллерийские припасы, подарки, предназначенные аборигенам, в том числе, бисер разных цветов и бусы. За минувшие годы склад разграбили, особенно первые промысловики-зверобои. Но, может, сохранилось что-то, уйдя под землю?

По записям в вахтенных журналах «Св. Петра» (их существует три) и воспоминаниям Вакселя можно обозначить вероятное место выброса корабля на берег и местонахождение склада. Так что, где вести поиск, Станюкович примерно знал. В густой траве недалеко от наших палаток был выгорожен веревками и утоптан большой прямоугольник, который в свою очередь разбили на несколько квадратов. Десять лет назад, вспоминал Станюкович, на этом месте нашли много бисера.

Идея поиска склада проста. Поскольку железа в нем было много – обследуем квадрат магнитометром. Там, где есть скопление металла, прибор высветит цифру «0». Величины магнитной напряженности, перенесенные на миллиметровку, дадут картину магнитной аномалии.

Когда все так и сделали, особой аномалии не заметили. Это значило, что большого металла здесь нет. А вот мелких железяк – сколько угодно. Под слоем травы и гальки, с глубины 10–30 сантиметров вытащили уйму проржавевших гвоздей, обручей, кухтылей (поплавков от рыбацких сетей), даже кровать нашли. Через несколько дней попривыкли к таким находкам, а сперва с жадностью хватали железки, вертели их в руках, пристально рассматривая, едва не обнюхивая. Станюкович брал их, как драгоценности, уносил в «командирский» угол под парусиновым навесом, служивший одновременно столовой, лабораторией и кают-компанией.

Вечерами Андрей простукивал железки молоточком, определяя, где «беринговский» металл, где поздний – промысловиков, где современный, подброшенный морем. Увы, «от Беринга» ничего не было. Между делом, просеивая песок через сито, собрали с

полгорсти разноцветного бисера.

Нужно сказать, что такое необходимое не только в экспедиции заведение, как туалет, мы сколотили в очень удобном для этого месте – средь высокой травы, меж буграми и кочками. Однажды, прихватив магнитометр, наш руководитель исчез в этом направлении, а вернувшись, сообщил, что обследовал территорию у сортира, и прибор показывает сплошные нули.
- Кажется, нашел склад... И рельеф подходящий... Завтра срежем траву, чтобы увидеть что к чему.

Больше таким возбужденным я Андрея Кирилловича не увижу. А вот сдержанным, несуетливо продвигающим экспедицию в нужном направлении, – сколько угодно. Ему 43 года, но выглядит он, пожалуй, чуть старше. Кудрявая борода с проседью, усы. Очки, неизменная сигарета во рту. Ходит в куртке с теплым воротником, в болотниках, рыжей мохнатой шапке. Все это вместе придает ему вид добродушного ученого чудака. Иногда я думал, что утомляю его своими бесконечными вопросами. Ничуть – с постоянной доброжелательностью Андрей удовлетворял мое любопытство.

Всем хотелось больших находок... Поэтому, взяв лопаты, мы с жаром набросились на многолетнюю траву на участке, указанном Станюковичем. Открывшийся под ней пустырь действительно удивлял каким-то вздыбленным рельефом. Осмотревшись, поняли: под нами – осевшая полусгнившая землянка. Склад? Догадка только усилила исследовательский энтузиазм. Притащили миноискатель, стали вытаскивать из песка металлический хлам. Я нашел под дерном кусок прогнившей доски, служившей перекрытием. Вслед за доской – кусок рубероида. И тут одного из нас осенило: какой рубероид во времена Беринга?

Осмотрев тщательно все железки, Станюкович идентифицировал «сортирный» объект как промысловую избу-юрташку начала XX века. Открытый для всеобщего обозрения сортир с тех пор стал предметом постоянных шуток.

- Где теперь искать склад? – спрошу я позже у Станюковича.
- Больше быть ему негде. Теперь я уверен, что все, что осталось от склада, давно смыто морем. А бисер, который разбросан повсюду, – видимо, он уже намыт тем же морем.

Как пушки вытаскивали

Среди имущества пакетбота, оставленного на берегу, было 14 пушек (9 трехфунтовых, 5 двухфунтовых). Для сравнения: в арсенале Российско-американской компании в Новоархангельске, возникшей в 1799 году, находилось 49 чугунных пушек и каронад. Так что артиллерия «Св. Петра» представляла по тем временам ценность немалую.

Если верить существующим источникам, пушки долго лежали на берегу, заносимые песком. Новые сведения появились лишь в 20-х годах, местные жители будто бы видели их после сильных штормов. А в 1935 году фотокору журнала «СССР на стройке» Галине Санько удалось сделать сенсационные фотографии: на остатках корабельного настила лежит штабель пушек, их насчитывалось четко 13. Потом пушки опять исчезли...

Не буду перечислять попытки последующих экспедиций отыскать пушки, скажу лишь, что в результате их работы одну пушку откопали перед войной, две – в 1956 году передали в дар датскому городу Хорсенсу, родному городу Беринга; еще две пушки экспедиция 1981 года доставила во Владивосток и пять – в Никольское. К началу нашей работы на острове в толще песка предположительно оставалось три пушки. Судьба еще одной была неизвестна. (Напомню: на фото Санько 13 пушек, в «Росписи» же указано 14.) Либо ее вывезли ранее, либо перенесли потерпевшие бедствие мореходы в расположение лагеря для обороны или подачи сигналов.

Чтобы поднять оставшиеся «стволы», мы использовали оправдавший себя в экспедиции 1981 года магнитометрический метод поиска. Станюкович с помощниками сделал геодезическую разметку лайды, то есть берега, побродил с магнитометром, посидел над бумагами, вычертив карту магнитной напряженности того места, где десять лет назад оставались три пушки. На схеме явно определились контуры аномалии, подтверждающей наличие большого металла. Бери и копай.

- Здорово! – изрек я, когда Андрей объяснил суть метода. – Просто и очевидно. Этот метод все используют при раскопках?
- Нет, немногие у нас прибегают к нему. Мало быть просто археологом, нужно

ориентироваться и в физических дисциплинах.
Замечу: Станюкович – кандидат физико-математических наук.

Туманным, сырым утром из Никольского пришел трактор с ковшом. Андрей очертил на песке место, где предположительно лежат пушки. Даже направление указал. Совпадет? Экскаваторщик Геннадий Бадаев, невысокий смуглолицый алеут, сел за рычаги.

Вырвать пушки из грунта оказалось непросто. Вот строки из моего экспедиционного дневника: «Уже несколько часов бьемся. Вырыли большой котлован, но его сразу залило водой, море ведь в нескольких метрах. Водолазы в костюмах, естественно, и Валера Дронов (я еще о нем расскажу) возятся в яме, пытаются щупами найти пушку. Нащупали, но ковш никак не зацепит. Трактор почти на метр ушел в песок... «В тот раз первую пушку вытянули часа за четыре», – сказал Станюкович, вспоминая экспедицию десятилетней давности. Из ямы вылез Валерка, упал от усталости, весь мокрый. Побежал переодеваться. Жжем костер, греемся. Общий интерес упал, все ожидали быстрой развязки. Края ямы обваливаются, воды в ней все больше. Дежурные ушли готовить ужин...». Не добрались мы до пушек и на второй день: ковш трактора никак не мог зацепиться за край пушки. И только на третий день, связав из бревен могучий настил под трактор, вытащили-таки две пушки. С глубины не меньше трех метров. Хотели продолжить работу, да не выдержал трактор, отказала гидравлика. Пушки оттащили к реке, бросив в пресную воду. «Чтобы соль из них вышла», – объяснил Станюкович.

Позже, очистив от окислов клеймо на одной из пушек, увидим цифры 1724 – год отливки.
Через несколько дней, когда море почти зализет вырытый нами на лайде огромный котлован, из села придет другой трактор. И опять провозимся целый день, добираясь до оставшейся пушки. И опять Виктору Дмитриеву, Володе Логинову, Валере Дронову, ответственным за поиск, не удастся зацепить ее. Станюкович попросит всех троих встать завтра пораньше, чтобы, пока будет отлив, добраться-таки до тринадцатой пушки.

Когда утром я подойду к котловану, многое уже будет сделано: прорыта канавка для стока воды, связан и забит под колеса настил из бревен. Вот как я описал дальнейшее в своем дневнике: «Валера Лисовский, тракторист, пошутил: «Помолимся перед работой?». Так я и сфотографировал их, «молящихся». Оказалось, не зря молились. Через десять минут пушка жерлом вошла между зубьев ковша. Редкая удача, теперь не

выскочит. Сбежался народ, бросив завтракать. Подняли ковш, пушка – привет от Беринга – раскачивается в его зубьях. Станюкович взял магнитометр, прошел над ямой. На приборе – нули. Что там осталось, может, ядра? Не прошло и получаса – вышли на последнюю пушку. Вот она, лежит в ковше, родная, как в люльке. Четырнадцатая! Вот это сенсация! Вошли в азарт, притащили миноискатель, прощупываем края ямы. Похоже, в ней еще металл есть. Станюкович в болотниках, с магнитометром лезет в яму. Да, что-то есть, искать надо здесь. Стали копать и нашли монтировку. Ее утром тракторист обронил. Общий смех и общая радость. Больше магнитометр нулей не показывал. Эпопея с пушками завершена. Витя с Володей рубят веревки, связывающие бревна настила. Остальное зачистят прилив и море».

Который из шести Беринг?

Только месяц прожил командор Беринг на открытом им острове. Известны имена и фамилии еще тринадцати человек, умерших на этой земле. О том же, где и как их хоронили, сведения очень скудные: могилы рыли недалеко от жилищ, тела зарывали неглубоко в песок. Ослабленные болезнями люди не могли рыть глубоких ям, на гробы же не было досок, редкий плавник, найденный под снегом на берегу, нужен был для обогрева живых. Однако есть ссылка на то, что тело командора (в знак уважения?) привязали к корабельной доске. Умирал он страшно. Цитирую Свена Вакселя: «Капитана-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках... Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины, тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы найти средства помочь ему в том положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут. Он лежал отдельно в небольшой яме-землянке, по стенам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины...».

Высокий стальной крест, установленный в 1966 году на возвышении, – всего лишь символический памятный знак в честь командора. Мы же надеялись отыскать настоящие могилы Беринга и его товарищей.

Мне выпало заниматься подготовительной работой при поиске могильника.

... Станюкович привел нас к землянке, в которой жил и умер Беринг. Похоронен он где-то рядом, среди береговых валов-дюн. Решили начать поиск, захватив склоны двух дюн и пространство между ними. Выставили и пронумеровали пять профилей, через два метра друг от друга. Профиль – натянутый в направлении юг-север 20-метровый шнур. Траву пришлось утоптать, уж очень она мешала. Нашли старые колья, следы прежней разметки. Есть и пробные шурфы. Кто-то тут уже был. Может, зря начали с этого места?

Задача моя такая: поглубже, через каждый метр загонять в землю металлический щуп. Марина Крамаренко из желобка на щупе берет пробы грунта, Наташа Япринцева записывает в журнал глубину, номер пробы, особенности рельефа. Потом Марина сделает химический анализ почвы, определив, есть ли в ней соединения фосфора. Известно, что каждое органическое вещество содержит фосфор, и даже через много лет он сохраняется в почве. Говорят, фосфатный метод позволяет определить место захоронения с точностью до десятков сантиметров. Но нашими археологами с этой целью он еще не применялся. Любопытно, сработает ли он у нас?

Пришел Валера Дронов с тонким щупом и алюминиевой рамкой, с их помощью он ищет солдатские погребения. Валерий, геолог по образованию, работает в Воронежском центре поисковых отрядов «Арго», и уже много безвестных солдатских могил, оставшихся после Отечественной войны, найдено им и его товарищами. В нашей экспедиции Валера был незаменим, работал то водолазом, то поваром, то... подъемным краном. Мы крепко подружились с ним, думаю, не один я оценил надежность и веселый нрав этого парня.

Валера прощупал всю территорию, и на третьем профиле щуп во что-то уперся. По звуку похоже на удар по дереву. Может, гроб? Или плавник? Удивительно, но в этом месте и рамка «шалит».

Первый профиль проходит по «крыше» дюны. Песок не плотный, мой щуп входит почти на полтора метра. В конце профиля глубокая яма, заросшая травой. Чуть ногу не подвернул.

На следующий день расходимся по «объектам». Марина на спектрофотометре обрабатывает вчерашние пробы. Я с Ромкой Дудко (десятиклассником, сыном директора местного музея) должен до обеда пройти второй профиль. Чувствуется большая плотность песка, щуп входит не глубже 90 сантиметров. Склон более пологий, вода,

стекая с него, видимо, и песок уплотнила.

Уже готовы пробы первого профиля. Очень высокая концентрация фосфора, пробирки аж фиолетовые. Марина явно смущена результатом, может, для этой местности такой фон нормальный? Тут полно водорослей, море, а ведь все это тоже – не в последнюю очередь – фосфор. Ромка знает, где лежат кости кита – недалеко отсюда. Марина хочет взять пробы возле костей, чтобы сравнить с нашими результатами.

... Сгораю от нетерпения, предстоит внимательно «прослушивать» третий профиль. В помощниках у меня Саша-маленький, шестнадцатилетний племянник Станюковича (архитектор уже известного сортира).

Профиль идет между дюн, грунт плотный. В среднем щуп уходит на глубину 80 сантиметров. В тех местах, где оживала рамка в руках Валерия, щуп упирается в твердое, как бы увязает в «дереве» и выдергивается с усилием. Неужели мы обнаружили могилу? Втыкаю щуп в другие места, стараясь определить границу «деревянного» звука. Глубины не более 60, а в одном месте даже 15 сантиметров. И что характерно: «дерево» четко лежит под тремя холмиками, их можно по форме принять за могильные, а с виду это поросшие травой кочки. Кочки ориентированы по линии восток - запад, как раз то, что нужно. Крайняя и самая большая кочка точно напоминает могилу, только возвышение ее, так сказать, изголовье, расположено с восточной стороны, а надо бы с западной. Но мало ли что тут могло происходить 250 лет назад? Хочется схватить лопату и раскопать эту загадку. Но археология – не рытье канализационных траншей, это-то мы усвоили. Дождемся показателей на фосфаты.

Вечером Сашка притащил взятую у Станюковича книжку, в которой написано: «На компактное расположение могил указывают и некоторые публикации, восходящие к запискам Стеллера. (Георг Стеллер – участник экспедиции Беринга, известный натуралист).

В частности, М. А. Сергеев указывает, что Беринг был похоронен «около пристанища экспедиции между своим адъютантом и двумя матросами». Да, это очень похоже на то, что мы видим на третьем профиле. Неужели могильник?

Наконец, готовы результаты анализов. Они неожиданны и разочаровывают. На первом профиле – фон самый высокий и сравнительно ровный. Но в одном месте в нескольких соседних кочках явный всплеск. Почему? А вот на третьем профиле, где «мой» могильник, фон самый низкий. Странно, может, у Марины пробы врут? Более того, в точках, где лежат «доски», фон еще ниже. Только в одном месте, рядом с доской, наблюдается всплеск фосфора. Почему так? Марина осторожничает: может, там просто трава «фонит», корни которой неглубоко сидят? Кстати, пробы, взятые у китовых костей, показали наличие фосфора. Ясно пока, что метод работает, реагирует на разные почвы, но поможет ли он нам?

Станюкович убежден, что заслуживают внимания результаты анализов грунта в первом профиле. Нужно сделать шурфы. На раскопки он не надеется, это дело не одного дня. Да и местные власти против, и датскую сторону спросить надо. Со дня на день приедет группа Александра Шумилова (из клуба «Приключение») с археологами из Дании. Все вместе решат, где и что копать.

Как в воду смотрел Андрей. С утра увидели перед бухтой пограничный корабль. Высадилась целая группа: датские археологи, переводчики, журналисты. Среди датчан – потомок Беринга по линии родной сестры, студент из Копенгагена Клаэс Скат-Рордам, среди наших – криминалисты из Магадана и Москвы, профессор Виктор Николаевич Звягин, виднейший специалист по идентификации личности.

... Трое датчан начали снимать дерн на первом профиле – на вершине дюны, где мы обозначили всплески фосфора. Двое взялись за точку всплеска на третьем профиле. Работают аккуратно, снимают грунт буквально по миллиметру. Едва вскрыли дюну, на глубине сантиметров 30 выступили какие-то кости. Профессор Звягин посмотрел, пощупал, определил как кости стопы левой ноги человека. Дела! Прочертил на песке, каким должно быть положение всей ноги. Получалось, как надо, – ногами (а значит, и лицом) к востоку. Бородатый датский археолог показывает большой палец, переводчик, его зовут Стен, повторяет: «Для первого дня хорошо...» В траншее, прорытой влево по дюне, на глубине с полметра, на срезе стенки видны канавки, как от жука-древоточца. Это следы того, что земля здесь была когда-то нарушена, свидетельство захоронения.

На третьем профиле, на месте «моего» могильника, нашли косточку. Аркадий Савинецкий, палеозоолог, установил, что принадлежит она морскому бобру-калану. Выходит, это она «фонила». Разрыли и холмик-кочку.
Углубились на 80 сантиметров – никаких костей или плавника. Смотри-ка, не соврал метод! А эффект «дерева» и увязание щупа вызывал галечник, сырой и плотный. На том

работу закончили. Кости в траншее прикрыли целлофаном и присыпали песком. Я взволнован: неужели нашли следы могилы великого командора?

Датчане с утра на раскопе. Наблюдаю за их работой. Уже «проявлены» стопы, коленная чашечка, череп. На песке – темные пятна от костей, лежащих ниже. Археологи неспешны и осторожны в движениях. Сразу видно – профессионалы высокого класса. Показывают отверстие в песке рядом с коленной чашечкой – след от моего щупа. Вот почему в этом профиле щуп так глубоко уходил в грунт: хоть и давно, но нарушали его. Звягин сказал: «Бесспорно, это сенсация. Перед нами письмо, которое шло 250 лет, и сейчас его можно будет прочесть».

Вскоре метрах в двух от этого захоронения вышли на другое. Снова кости стопы. Пока. Вечером Толя Мельников (радист, побывавший с Дмитрием Шпаро в полярных экспедициях) связался по рации с Никольским и Москвой. Информировал инстанции об открытии, спрашивал, как быть. С одной стороны, на вскрытие нет разрешения местных властей, с другой – состояние костей очень плохое, они просто могут не долежать до следующей экспедиции. Интересуюсь мнением профессора Звягина. «Нужно копать дальше, – твердо говорит Виктор Николаевич. – Это ведь целый пласт истории. Мы думали, тут жили опустившиеся, обессилевшие люди. Но уже по положению костей можно сулить, что похоронены умершие цивилизованно, по обряду». Спросил, что он думает о моральной стороне этих раскопок. Профессор ответил: «Куда аморальней не знать своей истории. Найти захоронение, сделать мемориал, воздать героям должное – разве это аморально?» Я полностью согласен со Звягиным.

... Солнца нет, пасмурно, на море появилась волна. Говорят, у алеутов было поверье: если притронуться к могиле Беринга, на море начнется шторм. Похоже, мы и впрямь потревожили командора.

Влево от раскопанных захоронений вышли еще на одно. Третье. Картина та же: темно-коричневого цвета кости, положение скелета – лицом к востоку. Полностью, обнажился череп, в первом захоронении, рот широко открыт, много сохранившихся зубов. По мнению Звягина, не похоже, чтобы этот человек умер от цинги. До сих пор считалось, что именно от цинги погибли все мореходы экспедиции Беринга. На этом же скелете, на груди, расчистили большой нательный крест. Крест истлел, металлоискатель даже не прореагировал на него.

В лагерь экспедиции приехало местное руководство, депутаты. Осмотрели раскоп и дали согласие на продолжение работ. Дело серьезней, чем мне казалось. Море наступает на берег, сама бухта опускается в море со скоростью 90 миллиметров в год. Что будет завтра, неизвестно, сегодня же есть возможность спасти захоронение, изучив его и перенеся в безопасное место.

... Дюна разрыта, как ножом вспорота. Мог ли я думать несколько дней назад, что скрывается под этой травой? Идет расчистка трех захоронений. Нательный крест, вернее, то, что от него осталось, залили воском, аккуратно упаковали. На втором скелете расчистили темное пятно, предполагают, что это след от истлевшего деревянного креста, установленного над могилой. Продолжаем рыть дюну дальше.

Влево, вплоть до землянки Беринга, дюна оказалась пустой. Справа от первого захоронения обнаружен грабительский шурф. Это та самая яма, в которую я влетел, когда брал пробы. Шурф самодеятельный, но сделан грамотно, прикрыт целлофаном. Под ним – какие-то косточки, пока неизвестно чьи. Отступили еще правее, начали снимать дерн.

К вечеру раздался победный крик. Спешу к раскопу. В глубине разреза проступает что-то коричневое, датчане думают, перевел Стен, что это истлевшее дерево. Станюкович становится на колени, рассматривает пятно, осторожно его ковыряет. Объясняет, что вряд ли это след дерева. Скорее всего, тлен от одежды или тела. Он вообще удивлен, что нет остатков одежды, даже пуговицы. Рядом с шурфом вскрыли еще какое-то непонятное захоронение. Вроде бы кости двух человек, какое-то дерево. Нашли части двух черепов...

Вечером собрались на консилиум. Звягин с помощником настаивают: кости нужно везти в Москву. Нужны контейнеры для упаковки, пусть позаботится Никольский райисполком. Толя Мельников вышел на связь с «базой», передал просьбу консилиума.

С помощью Стена беру интервью у руководителя датских археологов Оле Шерринга. Оле директор музея в Хорсенсе, сам первоклассный археолог. «Научный анализ, который проведут коллеги из Института судебной медицины, даст много ценной информации для ученых всего мира, – говорит Оле. – Но после изучения в Москве все останки должны быть перезахоронены здесь».

Наутро там, где был шурф, расчищено что-то вроде истлевшей крышки гроба. Правее, там, где два черепа, открылись и кости. Лежат как-то странно, вроде обнявшись. Подошел Станюкович: «Беринг похоронен рядом с двумя матросами». Эти «обнявшиеся» и могут быть теми матросами.

Но где же все-таки Беринг? Сначала решили, что командор тот, у кого крест на груди. Второй вариант: Беринг тот, над кем был установлен деревянный крест. И вот новое предположение: Беринг этот, под шурфом, возле матросов. Еще бы для верности корабельную доску обнаружить. Ну, ребята, копайте скорее!

Вот и прояснилась картина. Расчищено все полностью. Под грабительским шурфом оказались останки, лежащие в явном подобии гроба. Тело было прикрыто досками, похоже, была и крышка. Череп относительно сохранился. В хорошем состоянии зубы. А шурф не дошел до черепа Беринга каких-то пяти сантиметров. «Он и не мог дойти, – сказал Станюкович, – грабителям всегда лень копать до конца». Но почему же у Вакселя написано, что командора привязали к доске? Станюкович говорит, что эта фраза всегда приводила его в недоумение. Видимо, это ошибка перевода. А Стен заметил, что читал у Стеллера (на датском языке), что Беринга похоронили по протестантскому обычаю. И все. О доске или гробе – ничего. Выходит, теперь окончательно разъяснилась путаница с доской? Беринга положили в гроб. Расчищены и двое «обнявшихся». Очевидно, оба умерших погребены в одной могиле. Один матрос лежит на спине, второй – на боку, ноги подогнуты, а голова повернута лицом вверх. Видать, труп застыл в такой позе. Оба черепа провалены. Временем? Если эти двое – матросы, то человек с крестом на груди, лежащий левее Беринга, – его адъютант, точнее, подшкипер Никита Хотяинцев? Вправо от матросов прокопали траншею до конца дюны. Убедились, что дальше дюна пуста, и все аккуратно засыпали. Настырные парни эти датчане.

Теплый вечер без комаров. Станюкович, откинув капюшон штормовки, что-то пишет под лампой. Сказал: «Хочу подумать. Есть мысли по поводу того, в какой последовательности они умирали».

Виктор Николаевич Звягин, ученик знаменитого Герасимова, создавшего метод пластической реконструкции облика человека по черепу, дает мне короткое интервью:

- За всю свою профессиональную жизнь не упомню случая, чтобы кости были в таком плохом состоянии. Именно поэтому изучение и консервация возможны только в лабораторных условиях. Идентифицировав останки, узнаем облик этих людей, чем и как они болели, длительность заболеваний. Чтобы вписать новую страничку в историю, с позиций уже не только географических открытий, а с общечеловеческих. Это же важно – знать, на какие лишения люди шли во имя своих целей. Будут использованы все лабораторные методы, какими мы располагаем: спектральные, рентгеновские и другие, анализы на микротвердость... Главное, конечно, восстановить облик Беринга. Увы, это будет лишь максимальное приближение к его подлинной внешности... Череп все-таки серьезно разрушен, некоторые его детали возможно реконструировать только математическим путем. Для узнавания конкретного человека очень важно не только то, как выглядело его лицо, но и какой были его одежда, прическа. Облик должен быть вписан в историко-бытовую канву. Тут нужны значительные историко-архивные изыскания...

Но предстоит еще один этап, – заметил Звягин, – достойное индивидуальное погребение. Планировать это нужно уже сейчас: обдумать памятник, ритуал захоронения...

Все дни, пока расчищали могильник, занимал меня один вопрос. Улучив минуту, спросил Станюковича, как удалось ему с такой точностью и с первого попадания выйти на захоронение?

- Интуиция, – ответил Андрей. – Поверишь ли, чистая интуиция.
Он нисколько не хвастал и не кокетничал, я ведь видел его в работе. Да здравствует интуиция, в основе которой опыт, логика и знание предмета, которым ты занят!

В двадцати шагах от могильника

Было сделано еще несколько существенных находок, вдвойне весомых оттого, что их не планировали. Рельеф в районе могильника, как я говорил, довольно сложный: кочки, дюны, остатки землянок, какие-то ямы. Непосвященному такая картина мало что скажет.

Станюкович же видел в ней определенную логику. Прощупав магнитометром подножие одной из дюн, обнаружил под ней скопление металла. Позже мы сочинили такую шутку: «Отберите у Станюковича магнитометр. Ему легко открытия делать, а нам придется опять копать». Под той дюной Андрей предположил не обнаруженное ранее беринговское строение. Первые находки пошли, едва мы углубились под снятый дерн: спекшиеся буро-коричневые комки шлака, разъеденные ржавчиной обломки гвоздей, корабельный болт. Встречались угли, кусочки древесины, окислившегося металла. Что-то здесь, безусловно, плавили. Тогда Андрей и сказал, что наверняка найдена кузница лагеря Беринга. Согласно Стеллеру, после принятия решения о разборке разбитого, затянутого песком пакетбота «Св. Петр» и строительстве нового судна (на нем-то и добрались потом оставшиеся в живых члены экспедиции до Камчатки) была устроена кузница. В ней «выковали пешни, ломы и молоты», необходимые при строительстве, для чего из плавника выжигали уголь. Предыдущие исследователи, посещавшие бухту, даже предположительно не указывали место расположения кузницы. Чем глубже мы зарывались в дюну, тем интересней открывалась картина: куски какой-то деревянной перегородки, целые залежи металлических оплавленных комьев. В метре от этого с помощью магнитометра нащупали груду спекшегося металла, внутри которой нашли топор, зубило, полоску с отверстиями, гвозди, крючья – предметы с корабля Витуса Беринга. Десятки их были очищены от песка, зафиксированы, завернуты в бумагу. Датчане, работавшие за соседней дюной, все чаще подходили посмотреть на странное сооружение, которое явственно проступало в нашем раскопе. Один из них, журналист Дэвид Сиэрс, американец, живущий в Дании, проявлял особое любопытство. Высокий и улыбчивый бородач, угощавший всех мятными таблетками, он без конца щелкал фотоаппаратом. Расчищенная конструкция из корабельных досок, кирпичей и песка оказалась добротным кузнечным горном. О том, как он работал, предстоит еще поразмышлять. Меня смутило наличие кирпичей, откуда они? Ответ мгновенно подсказал Станюкович: «Из корабельных каминов».

Дэвида облепили комары, мешая снимать. Отбиваясь от них, он вытащил блокнот, вроде собираясь что-то записывать, полистал его и вдруг с возмущением произнес: «Комар. На фиг нужно?» Мы так и грохнули. Настолько это было в точку и неожиданно.
- Дэвид, а что еще у тебя в блокноте?

Хохотавший вместе со всеми Дэвид прочитал по слогам составленный им разговорник: «Доброе утро, комар, спасибо, на фиг нужно». Такой джентльменский набор для общения.

Кроме горна, откопали обрубок мачты большого диаметра, стянутый металлическим кольцом с крючьями. По-видимому, мачта использовалась в качестве подставки под наковальню. Все найденное взято в Москву, где будет изучено и спасено от

дальнейшего разрушения. К примеру, деревянные части отправят в Химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева, где разработана уникальная технология консервации древесины. Но, и это хочу подчеркнуть, все находки в обязательном порядке вернутся в музеи Камчатки и Никольского.

... Несколько дней на ближайшей к раскопу сопке сидел и тоскливо лаял, поглядывая в нашу сторону, одинокий песец. И вот песец исчез. Готовимся к отъезду и мы. Пришел вечером на могильник, чтобы постоять над останками в одиночестве. Наверное, не один я ощущал в эти дни волнение от того, что прикоснулся к некой тайне, став свидетелем того, что было спрятано от человеческих глаз два с половиной столетия. Дует ветер. Большой отлив обнажил рифы и отмели. Стою у могилы командора Витуса Беринга. Вот он в гробу, явно тесноватом для его могучей фигуры. Руки сложены на груди, ноги вытянуты. Так было. А теперь – истлевшие от времени и сырости доски, несколько темных костей, череп...

Вспоминаю, сколько препон пришлось преодолеть экспедиции, чтобы осуществить эти раскопки. Против вскрытия могильника возражали, в частности, заместитель председателя Молодежного совета МГУ по охране природы, координатор исследований по программе «Командоры» А. В. Зименко и директор Центра по рациональному использованию природных ресурсов Алеутского района В. Ф. Севостьянов. Я читал их статью в «Алеутской звезде» дважды, до начала работ в бухте Командор и после. Первое прочтение вызвало одобрение: люди ратуют за сохранность бухты, «единого историко-культурного и мемориального комплекса». Читая статью второй раз, по окончании экспедиции, знал уже, что нет никакого единого комплекса, а есть разъедаемая морем бухта с затерянными в ней ценнейшими историческими памятниками, до которых у местной власти руки попросту не доходят. Знал я и то, что если за раскопки берутся не варвары-дилетанты, а грамотные специалисты, то хуже от этого памятникам быть не может. Успех «Беринга-91» принесет пользу тем же Командорам. Это и общественный интерес, и заинтересованность той же Дании, и немалые средства от неизбежного теперь туристского бума.
Ну да ладно, главное – мы нашли Беринга...

Ко времени, когда пограничники (они очень помогли нам, и им за это спасибо) опять показались на рейде, Звягин с помощником законсервировали черепа, покрыв их воском с канифолью, сняли гипсовый слепок с черепа Беринга. Останки были разобраны, пронумерованы, упакованы в бумагу и ящики. Беринга же вырезали вместе с землей, блоком килограммов в 300. Весь раскоп был аккуратно засыпан, а сверху установлен большой деревянный крест. Мы увозили прах мореходов, оставив на берегу память о них.

Все шесть контейнеров погрузили на пограничный корабль.

Спустя 250 лет после отплытия командор возвращался на Камчатку.

Юрий ГАЕВ